

За рубежом. 1997. 27 июня - 3 июля. - с. 14

Сергей Бодров:

«УБИТЬ ЧЕЛОВЕКА ЛЕГЧЕ, ЧЕМ ЛЮБИТЬ ЕГО»

Ким ПАЛЬЧИКОФФ

«НЬЮСУИК», НЬЮ-ЙОРК.

НЕДАВНО еще никому не известный российский кинорежиссер и сценарист Сергей Бодров обрел всемирную славу благодаря своему фильму «Кавказский пленник», удостоенному многих наград.

Номинированный весной нынешнего года на «Оскара» фильм о вековом стремлении России покорить Кавказ снят в живописных горах Дагестана и рассказывает о тяжелых испытаниях, выпавших на долю двух русских солдат, взятых в плен мятежниками-мусульманами. Большинство зрителей и критиков восприняли картину в качестве комментария к войне в Чечне, хотя в действительности за основу сценария Бодров взял рассказ Льва Толстого, написанный еще в XIX веке. Сейчас режиссер работает в Голливуде, но недавно приехал в Москву на церемонию вручения российской «Ники», где «Кавказский пленник» победил в шести из семи номинаций, включая самые главные: лучший фильм, лучший режиссер и лучший сценарий. Чуть позже корреспондент «Ньюсуика» взял у него интервью.

— Многие российские кинокритики отрицательно отнеслись к тому сочувствию, с каким вы изобразили отчаянных русских солдат на фоне огромных потерь среди гражданского населения в этой войне.

— Российские критики многого не понимают. Они смотрят на все только с одной колокольни. До сих пор они так и не научились оценивать события с разных сторон. Ведь «Кавказский пленник» — фильм не о войне как таковой, а

об отношениях между людьми в ней. В основе — рассказ Л. Толстого, написанный задолго до войны в Чечне. Ныне война на Кавказе закончена. Это вполне мог быть фильм об Афганистане, или о Боснии, или о Таджикистане. Что касается меня, я глубоко сочувствую обеим сторонам, сражавшимся друг против друга. Основная идея ленты: убить человека легче, чем любить его.

— Почему в Америке фильм идет под другим названием — «Пленник гор»?

— Американцы заявили, что под настоящим названием его будет трудно продать. Они ведь понятия не имеют о Кавказе. В Европе же предпочитают оригинальное название. Меня это не волнует. Я только хочу, чтобы зрители его увидели.

Кадр из фильма «Кавказский пленник».

Фото «Тайм», Нью-Йорк.

— Говорят, следующий фильм вы посвятите цирку. Почему?

— Для меня это особая тема. Моя семья переехала в Москву из Владивостока. Когда мне было 12 лет, мы жили недалеко от старого московского цирка. Подростком я пропадал за кулисами, играя с детьми циркачей. Мне очень нравится цирк, нравится образ жизни циркового народа, в автофургонах, с общей едой для всех. Это чудесно, даже как-то по-детски.

— Смотрите ли вы на будущее российской киноиндустрии с оптимизмом?

— Российский кинематограф сейчас во многом меняется. Создатели фильмов все больше уделяют внимания бизнесу. Финансисты, инвестирующие фильмы, рассчитывают на отдачу. Большинство российских режиссеров пока, правда, не думают о своих проектах как о бизнесе. Хотя сегодня в России можно найти кое-какие средства. Небольшие, правда. В Москве я прозондировал почву насчет своего следующего фильма. Рассчитывать только на российские деньги трудно, однако людей интересуют мои планы и работа со мной.

ЖРЖ

— Вы уже три года живете в Лос-Анджелесе. Какое влияние оказал на вас Голливуд и американская киноиндустрия в целом?

— Я больше думаю о зрителях. По российской привычке мы о них раньше не думали. Думали лишь конкретно о фильме, который хотели сделать. Становление наше проходило в условиях жесточайшей цензуры. Поэтому когда началась перестройка, каждый российский сценарист и режиссер хотел хоть как-то напомнить о себе и своей работе. Нам просто хотелось вопить: «Это мы, смотрите, слушайте нас!» Теперь же я просто чувствую себя свободным.

— Какой вы находите жизнь в Калифорнии после Москвы?

— Калифорния мне нравится. Я люблю этот киношный уголок Америки. В 1990-1993 годах в Москве всем приходилось трудно, и к моменту, когда я покидал Россию, я был совершенно вымотан. В Америке, конечно, жить легче. Я могу гулять по берегу океана. Его первозданность просто покорила меня. Особых проблем нет. Все соседи вышли пожелать мне удачи, когда за мной приехал лимузин, чтобы везти на церемонию вручения «Оскара». В России такого не дожدهшься.

— А в чем же самая большая разница?

— Даже сегодня россияне считают жизнь грустной и жестокой штукой. Люди вынуждены вести непрестанную борьбу за существование, испытывая порой просто отчаяние. Чтобы не пасть духом, им нужна крепкая надежда. В сегодняшней России все думают только о деньгах. Даже студенты киновузов не станут работать бесплатно или заниматься последипломной практикой просто ради приобретения опыта, как, например, американские студенты. Они хотят, чтобы им платили, причем много. В Америке тоже гоняются за деньгами, но не до такой степени, как в нынешней России.

— Какую репутацию вы бы хотели иметь как режиссер?

— Я бы хотел, чтобы обо мне говорили как о создателе фильмов с человеческим лицом. Обычно меня считали сценаристом-комедиографом. Я и сегодня хочу делать смешные картины. Но есть у меня и печальные, и даже мрачные фильмы. Я лишь хочу сказать, что надежда умирать не должна. Ведь больше никто не хочет слышать ничего ужасного о России.